

ПОЧТИ МАЗОХИСТКА

повесть-киносценарий

АЛЕКСАНДР ЗОЛОТАРЕВ

18+

Александр Золотарев

Почти мазохистка

«Автор»

2020

Золотарев А. И.

Почти мазохистка / А. И. Золотарев — «Автор», 2020

Повесть-киносценарий. История замечательной во всех отношениях девушки, которая, несмотря на свои выдающиеся качества, никак не может понять как нужно общаться с мужским полом. Не совсем серьёзное пособие на тему: «Как устроить личную жизнь почти не изменяя своему ужасному характеру».

© Золотарев А. И., 2020

© Автор, 2020

Александр Золотарев

Почти мазохистка

Маленькое предисловие

Эта повесть выросла из романа «Ирочка». Сюда заползли несколько похожих ситуаций, рассуждений и даже персонажей, например – встреченный на улице изобретатель. Но, все же, это совершенно разные вещи.

Жила-была девушка. Впрочем, какая там девушка в тридцать четыре года. Говорят, что для женщины критический возраст – двадцать семь. Если в двадцать семь личная жизнь не устроена, а детей нет и не предвидится, то девушка начинает стервенеть. А если даже не стервенеть, то все равно меняться не в лучшую сторону. Она вдруг обнаруживает, что написанный ею для себя сценарий жизни не срабатывает. Ее мечты тускнеют, идеальное представление о будущем начинает колебаться и расплываться как мираж в пустыне.

Она смотрит на себя в зеркало и не понимает, что же в ней такого плохого, что она никому не нужна. Ну, что не так? Вроде и физиономия симпатичная, вроде и фигура ничего. И не дура. Кажется. Нет, не красавица, конечно. Так, обыкновенненькая. Но, не хуже других. Да лучше! Вон, половина одноклассниц уже растолстели. А тут и ноги. И грудь. И талия. Она долго смотрит в зеркало и, наконец, начинает находить в себе недостатки. Волосы какого-то непонятного цвета. И макияж неудачный. Точно! Нужно сходить в салон. И маникюр сделать заодно. И, топает в салон. И вообще – начинает тратить на свой внешний вид больше денег. Впрочем, естественности это ей не добавляет.

И так, день за днем, она ведет борьбу за свое счастье, исправляя свои недостатки. Внешние.

Параллельно, она начинает все хуже и хуже относиться к мужскому полу. Мужской пол ее сильно подводит. Ее сверстники начинают портиться. Они становятся все менее симпатичными – толстеют, лысеют. Вроде молодой, а уже лысый. Пить начинают. А самое главное – женятся сволочи. На других. И от романтики ничего не остается. Все хотят только одного – секса.

И если бы это помогало! Ну, потрахались. Чего тебе еще надо? Еще? Пожалуйста! Теперь хорошо?

Исчез.

Но на других-то, почему женятся? Впрочем, они ведь раньше женились. Когда глупыми были. Так это что же получается? Выйти замуж можно только пока мужчина еще дурак?

И чувство неудачи заползает в ее душу. И растет. Сначала это страх, что так будет и дальше. Потом страх постепенно превращается в убежденность. А убежденность переходит в чувство обреченности и горечь. Женщина по инерции смотрит в зеркало, беспокоится о своей внешности, красится, ходит в салон. Самые умные и волевые даже гимнастикой начинают заниматься. Но, отражение в зеркале заметно лучше не становится. С ним вообще что-то начинает происходить. Его становится труднее заметить. И не потому, что зрение падает, хотя и это есть. А потому, что призраки в зеркале не отражаются.

А мужчин вокруг – тьма. И не все женатые. Кое-кто уже разведен. Но теперь женщина уже не может относиться к ним хорошо. Да и не заслуживают они этого. Эти совсем растолстели. Эти совсем облысели. Эти без мата двух слов сказать не могут. Эти спились. Этот в тюрьму сел. А этот, такая сволочь, что лучше повеситься, чем с ним связываться. Этот весь в алиментах и все время к своим детям бегают, а новых заводит ни за что не хочет. А этот от алиментов бегают и детей больше всего на свете боится.

А рядом появляются бывшие замужние подруги. Толстые, с детьми на руках и такие же несчастные. И вот что обидно – если мужчины кого-то и выбирают, то именно этих, с детьми. Ну не хотят они больше детей заводить. На готовенькое им хочется.

Круг замкнулся.

Теперь, она может мужчин только ненавидеть. Хотя бы за то, что они делают фильмы о большой и чистой любви, и превращают девочек в будущих мучениц.

И все это происходит с женщиной в тридцать четыре. Или в тридцать шесть.

А Насте как раз тридцать четыре.

Уже тридцать четыре! И она это очень остро осознает.

На Настинном рабочем столе красуется открытка с витиеватой, но беспардонной надписью: «Поздравляем с Днем рождения! 34 года – лучший возраст для женщины! Желаем счастья и здоровья!». Рядом красуются другие подарки: цветы в вазочке, кукла-младенец, еще пара открыток, и довольно большой альбом с творениями Кандинского.

Настя сидит за рабочим столом в своем кабинете и с высоты десятого этажа смотрит на заснеженную улицу. И думает о своем возрасте. Когда ей стукнуло тридцать, она уже тогда восприняла это как катастрофу. Теперь – тридцать четыре. Еще чуть-чуть, и будет сорок. Потом еще чуть-чуть, и будет пятьдесят. Потом еще чуть-чуть, и нужно будет сдыхать, потому что тогда она уже точно никому не понадобится. Может и ждать не стоит. Открыл окошко – и готово. Десятый этаж.

А тут еще этот День рождения! Какой дурак празднует День рождения в тридцать четыре года?! Но, нет, понабежали, отпраздновали. Даже подарки подарили. Ненужные, конечно. Дашка, вот, альбом Кандинского подарила. Вот уж подарок, в котором она «нуждалась» больше всего! У дизайнеров, точно, мозги не в ту сторону повернуты! Но еще хуже пупс этот дурацкий. Как у Людки вообще хватило ума подарить ей пупса? Это что – намек на то, что нужно срочно детьми обзаводиться? В магазине прикупить? Или выйти на улицу и отдаться первому встречному? Или зайти к начальнику и его осчастливить?

Даже подзалетела бы, но что-то мужики очень аккуратно предохраняются. Да и что потом? Сразу маме отдать на воспитание? Да и не было у нее давно ничего. Да и не хочется.

Ой, правда не хочется.

От этой мысли еще тошнее стало. А захочется ли еще когда-нибудь?

Открылась дверь, и зашел Максим. Так, вроде ничего парень. Женатый, конечно.

– Привет Настя. Как жизнь? Это что у тебя за кукла?

– Подарили.

– А по какому поводу?

– По поводу дня рождения.

– О-о, Настя, прими мои поздравления!

– Издеваешься?

– Ну, что ты! Вот, шоколадку хочешь? Если бы я был в курсе, купил бы что-нибудь душевное.

– А ты для кого ее купил?

– Для тебя.

– А почему же ты спрашиваешь, хочу я или нет?

– А вдруг ты скажешь, что не хочешь.

– А ты тогда не дашь?

Максим тормознул.

– Ну, если не хочешь.

– Вот интересно, а ты всегда спрашиваешь: «Дарить вам подарок, который я для вас купил или можно себе оставить?».

Максим смутился.

– Ну, Настя, чего ты? Подарок и есть подарок.

– И что же ты его не даришь?

– Настя! Ну ты же и не даешь подарить!

Максим положил шоколадку на стол и ушел обиженный.

Настя опять уставилась в окно. Какого черта он лезет со своими шоколадками?! Нравлюсь, так и скажи!

Настя попыталась работать. Клац по клавишам, клац еще. Нет, совершенно работать не хочется!

Потом прошло еще минут пять, и зашел Кривицкий из соседнего отдела. Почтенный человек. Лет под пятьдесят. Уже внуки есть.

– Настя! Добрый день!

– Добрый день, Александр Викторович.

– Стопарев должен был для меня бумажку оставить. Передавал?

– Передавал.

– Давай... Ты что, Кандинским интересуешься?

– Да ничего я им не интересуюсь. Это Дашка подарила.

– Ну, что-же, вполне дизайнерский подарок. Как у тебя дела-то?

– Как всегда.

– А как, всегда?

– Как всегда!

Кривицкий помолчал.

– А это хорошо или плохо?

– Александр Викторович, ну зачем вам мои проблемы? Я же у Вас не спрашиваю, как у вас дела?

– А почему ты не спрашиваешь?

– Потому, что меня это не интересует.

– Напрасно. Я мог бы рассказать немало интересного.

И ушел.

Интересно, если Максиму себя предложить, как он среагирует? Бурно? А жену бросит? Впрочем, у него дочка школьница, ее то, за что обижать?

Конец дня Настя провела в прострации. Но, контора есть контора. Даже попереживать не дадут. Два раза ее вызывал начальник, заходили какие-то люди – мужчины, женщины. Все, как всегда. Потом рабочий день закончился и все ринулись к лифту. А возле лифта уже целая толпа. И, естественно, когда двери открылись, все постарались войти сразу, но не у всех получилось. У Насти получилось, но в лифте к Насте прижали Колю из соседней фирмы. А может быть, сам прижался. Коля стоял лицом к Насте и старательно отводил взгляд.

– Коля, – сказала Настя, – ты к жене в лифте тоже так прижимаешься?

Коля попытался отскочить, но у него не получилось, и он чуть не упал на Настю.

В автобусе ситуация повторилась. Здесь мужчина к Насте не прижимался, потому что стоял за толстой теткой, но упорно на нее смотрел. Ему было лет сорок, у него были усы, он был в шапке, и поэтому было непонятно, лысый он или нет. Посмотрит, посмотрит в сторону, а потом снова на Настю.

Господи! Да что ж они такие одинаковые!?! Хоть один мужик может вести себя как-нибудь иначе? Что они все за ней подглядывают!?

Дома Настя ринулась к зеркалу и снова начала себя рассматривать. И так посмотрела, и этак. Нигде не запачкалась и помада не размазана. Баба как баба. Интересно, мужики и за другими подсматривают или только за ней?

Настя позвонила подруге Соне и пожаловалась на мужчин:

– Сонь, ну чего им надо? Я же знаю, что смотреть не на что. Главное, хоть один взял бы и объяснил. Сказал бы: «Девушка, у вас уши красивые» или «У вас такая классная помада, я хочу жене такую купить».

– Не-ет! – возмутилась Соня. – Ты интересная!

– Но мне же не восемнадцать!

– А кто смотрит? Те, кому восемнадцать?

– Если бы!

– Вот видишь. Ты для них идеал.

– Идеал! Ха-ха! – сказала Настя.

– Конечно идеал. У тебя фигура хорошая. Мне даже Лешка говорил, что ты интересная.

– Когда это он такое говорил?

– Ну, давно.

– Вот видишь. Была интересная, да вся вышла. Да и не видел этот мужик мою фигуру в автобусе.

Они проговорили минут пятнадцать, потом Настя положила трубку и снова подошла к зеркалу.

Фигура, конечно, да. Не такая тонкая, как была, расширилась немного, но, вполне ничего. Лицо самое обыкновенное. Выглядит чуть моложе своих лет, но на этом все прелести и заканчиваются. Она себя на улице ни за что рассматривать не стала бы.

Настя нашла сантиметр и измерила свою талию. Семьдесят! Вот тебе и фигура. А была – шестьдесят два.

Настя села на диван, подперла подбородок руками и опять стала думать о своем возрасте. Она представила, как ее талия расширяется, расширяется, задница растет, растет, подбородок двойной появляется, руки толстеют, щеки обвисают.

Кошмар. Ужас и кошмар. Как там спутники Марса называются? Она нашла взглядом висевший на стене очередной Дашкин подарок – карикатурную картинку Марса со спутниками. Фобос и Деймос – страх и ужас. Теперь ее ожидает сплошной фобос и деймос. Впрочем, у нее уже давно жуткий фобос. И непрерывный деймос.

– Это все – полный деймос.

И вспомнила, как несколько лет назад увидела вывеску, на которой было написано: «Гаражный кооператив «Деймос». Бывают же такие идиоты!

Следующий день начался до рассвета. И не потому, что Настя рано встала, а потому, что рассвет в середине декабря в полдевятого.

Настя очень не любила эти темные сборы на работу. Самое главное, что ты попадаешь в автобус, где никто не хочет ехать на работу. Потому, что темно. Но все едут. Сто двадцать недовольных людей. Очень чувствуется.

Правда, когда автобус подъезжал к нужной остановке, небо уже светлело, и появлялась слабая надежда на то, что солнце все-таки встанет и день состоится. Так, в состоянии слабой надежды народ и являлся на работу. Потом начиналась кутерьма и восхода солнца никто не замечал. А хотелось согнать всех к окнам и заставить вознести молитву славному светилу. Или спеть хвалебную песню.

К Насте опять приходили всякие мужчины и женщины, опять приставали с разными вопросами, опять Настя бегала по отделам, опять долбила по клавишам компьютера, а дневной свет создавал иллюзию нормальности происходящего.

После обеда пришел толстый жизнерадостный Валерий Павлович и солнце конкретно, по-деловому, осветило его круглую физиономию.

– Привет, привет! Тысяча поцелуев вам!

– Ой! Здравствуйте Валерий Павлович. Тысяча поцелуев, – это слишком.

– А женщины говорят: «В самый раз!». Ну, не хочешь, как хочешь. Как жизнь девичья?

– А у вас как?

– Отлично!

«Убила бы». – подумала Настя и сказала:

– Я за вас рада.

– А что ты неразговорчивая такая? Настроение плохое? Рассказала бы, чем занимаешься, с кем обнимаешься.

– Ой, ну почему мужчины так любят сплетничать? А Вы, Валерий Павлович, с кем обнимаетесь? Вот возьмите и расскажите: кому вы там наносите тысячу поцелуев.

И добавила вкрадчивым тоном:

– Мне, теперь, интересно, есть у вас любовница или нет? Вы мне никогда не рассказывали.

Валерий Павлович заметно напрягся и покраснел. «Есть!» – подумала Настя.

– Настя! Вот если бы ты согласилась! А так, что? Где я эту любовницу возьму.

– Никто не соглашается, а я должна соглашаться!?

– Ну, так уж и никто.

– А если кто-то есть, то зачем же я вам нужна? Для количества?

– Для качества Настя! Только для качества.

– Нет, Валерий Павлович, спасибо. Опасно с вами связываться.

– Это почему? Я же мирный человек.

– Может и мирный, но тайны хранить не умеете. Одна минута, и вы мне уже все рассказали. А где гарантия, что про меня не расскажете? А может еще и хвастать будете?

Валерий Павлович сконфузился.

– Ну, Настя! Ты что, кто же про такую рассказывать будет?

– Это про какую – такую? Такую ужасную, что и рассказать нельзя?

Тут Валерий Павлович окончательно растерялся, махнул рукой, сказал: «Да ну тебя!» и ушел.

И Настя осталась одна в луче декабрьского солнца.

Но, когда, наконец, рабочий день приблизился к финишу, внезапно обнаружилось, что на улице полная темнота.

И снова Настя ехала в толпе недовольных людей тосковавших по солнечному свету.

Не-ет, с этим нужно как-то бороться! Она выскочила из автобуса, зашла в магазин и купила свитер с солнышком. И тут же его надела.

А дома пусто и темно. Настя включила свет, подошла к зеркалу, полюбовалась на свитер. Хорошая штучка. Но, для полного счастья как-то его маловато.

Нет, нужна хоть какая-то личная жизнь! Любовник, так любовник. Кто там меня все еще хочет? Михаил. Или Валентин? Нет, нет, лучше Мишка. Сотовый, слава Богу, еще позволяет достать мужика независимо от жены. Настя взяла сотовый телефон, набрала номер, и через несколько секунд услышала знакомое:

– Сердюков слушает!

– Миша, это Настя. Ты можешь говорить? Да? Скажи, пожалуйста, мы могли бы с тобой встретиться?

– Это, смотря чего ты хочешь.

– А чего я должна хотеть, чтобы ты со мной встретился?

- Того же, чего и я.
- А ты чего хочешь?
- Тебя.

Как по маслу! Хотела получить мужика, который тебя хочет? Получи и распишись.

- А когда ты можешь приехать?
- Завтра вечером.

Настя помолчала, подумала: «А может быть я завтра не захочу?». И сказала:

- Ладно, я тебе завтра перезвоню.
- И не перезвонила.

Михаил сам позвонил уже в восемь вечера и спросил:

- И чего же ты не звонишь?
- Не получается.
- Занята, что ли?
- Да.

– Так и позвонила бы, что не можешь, а то я как дурак, сижу, жду.

Насте даже обсуждать эту тему не захотелось. Вместо этого она налила воду, залезла в ванну, и полчаса просидела в пене. Но не успела она вытереться полотенцем, как раздался звонок в дверь. Настя обернулась полотенцем, подошла к двери, посмотрела в глазок – Михаил, конечно! Да еще с цветами.

Настя открыла дверь, взяла цветы, и нехотя пропустила его в квартиру.

- Настя, так нечестно. Жалко было позвонить?

Настя пожала плечами.

- Ты же пришел.

– Так я на всякий случай заехал. У тебя же такой характер, что не знаешь, чего ждать.

Ну, и где твои дела? Чем ты занята?

- С собой, – сказала Настя, повернулась и пошла в комнату.

Михаил постоял несколько секунд, потом снял куртку и пошел за Настей.

- Настя, я же приехал потому, что ты просила.

– Я просила? А кто сказал, что меня хочет?

– Ну я, я, – поднял руки Михаил. Подошел к Насте и попытался ее обнять. – Ну, чего ты такая?

- Какая?

- Дикая.

У Насти вдруг слезы навернулись на глаза.

- Одичала.

– Знаешь, когда ты такая, мне сразу хочется начать перед тобой оправдываться. Не знаю в чем, но оправдываться. Настя, честное слово – я хороший.

- Плохой.

- Почему плохой?

- Потому, что ты где-то, а я здесь.

- Настя, ты же сама сказала, чтобы я погулял на стороне. Твои же слова.

- Сказала.

- Так что же ты?

- Дурак ты, Мишка.

- Ну ладно, дурак. Давай, так и решим – дурак! Обними меня, пожалуйста.

Настя вздохнула и обняла.

Через час Михаил ушел, а Настя осталась грустить.

Мишка, конечно, нормальный парень. Настоящий казак – черноволосый, кудрявый, улыбочивый. Но, они познакомились три года назад, а женат он был к тому времени уже семь лет. И сыну было пять. Как он умудрился втереться к ней в доверие? Любовник он, конечно, неплохой, но не гениальный. Мишка особенно на жену не жаловался, предпочитал на эту тему вообще не распространяться. Бог его знает, какой на самом деле была его семейная жизнь? Настя решила, что раз он к ней приходит, то с женой ему не очень. Но время шло, Мишка все так же приходил и приходил, все так же о жене не рассказывал, и все так же не сообщал о своих планах на будущее. В конце концов, Настя стала на него обижаться. А полгода назад сказала:

– Ты меня уже замучил. Ты уж как-то разберись, чего хочешь? Или туда, или сюда.

– Настя, ты меня выгоняешь?

– А ты сам себя куда выгоняешь?

– Да я бы никуда себя не выгонял. Не могу я такие вещи решать.

– А кто должен решать? Иди и решай.

– Настя, я без тебя не смогу. Я себя мужчиной только с тобой и чувствую. Мне женщина нужна.

– Так тебе баба нужна? Баб много, иди и занимайся сексом с кем хочешь. Может найдешь другое лекарство от импотенции.

Ушел Мишка.

А сегодня Настя как будто вернулась на полгода назад. Опять та же досада, та же обида. Что дальше? Так может продолжаться и десять лет, и двадцать. Мужик вроде и есть, но его нет. Таким лекарством лечиться можно бесконечно и с тем же результатом. А как обрадовался. И ушел довольный как слон.

Ненавижу.

Настя легла на кровать, свернулась калачиком и подумала о том, что она одна во всей квартире. Хорошая, двухкомнатная квартира. По наследству досталась. И на кухне пусто. И в гостиной пусто. И в ванной. И в туалете. А в спальне она одна. На большой кровати. Слишком большой. Ей показалось, что кровать стала еще больше, что она стала размером с футбольное поле. Нет, размером с город. А в центре, на гигантской вишневой атласной поверхности, маленькая-маленькая Настя. Одна.

А следующий день начался на удивление жизнерадостно. Снова солнышко, у народа предновогоднее настроение. Начальник – Петр Константинович, тоже добродушен как никогда. Кроме того, в конторе появился приятный деловой джентльмен. Пообщался с Константиновичем и отправился к Насте.

Лет сорока пяти, длинный, худой, наверное – типичный англичанин. Они поговорили о делах, причем англичанин говорил по-русски очень прилично.

В конце концов, Настя сказала:

– Вы так хорошо говорите по-русски. Наверное, давно в России?

– Два года.

– О! Уже давно. Акцент, конечно, есть, но все понятно.

В порядке делового обмена Настя дала Ричарду свою визитную карточку. Он прочитал ее имя, и покачал головой:

– Вы сказали, Вас зовут Настя. Никак не могу привыкнуть, что у русских разное имя. И я не знаю, когда можно говорить отчество, а когда не нужно. Сколько у вас имени? Два, три?

– Не знаю. – пожала плечами Настя. – Смотря, кто называет. У каждого свои права. Для кого-то я Анастасия Андреевна. Для кого-то – просто Анастасия. Для близких друзей – Настя, Настюша, Настена, Настька, Настенька, Стася.

– О! И Стася?

– Ну да. Потом еще можно – Настуся, Стаська. Кто-нибудь еще что-нибудь придумает. Теперь могут Анастейшей назвать.

– Невероятно. Я только Ричард и Рич.

– Вам хуже, – улыбнулась Настя.

– О! Вы хорошо улыбаетесь.

– Спасибо.

– Скажите... а как мне лучше вас звать?

– Как я представилась – Настя.

– А. Еще вопрос. Скажите, если вас могут назвать иначе, как русские понимают, что говорят к ним?

– Не знаю. Мы привыкли. У нас все по-разному называют. Что угодно могут назвать как угодно.

– И все будут понимать?

– Да.

– Как? Как это можно?!

– Просто понимаем и все.

Ричард вздохнул.

– Я раньше думал – знаю русский язык. Приехал в Россию, понял, что не знаю. Ругаться научился, думаю – уже знаю. Теперь думаю – никогда не буду знать.

Но, после ухода Ричарда образовалась какая-то пустота. Все показалось ничтожным, чужим, неласковым. Настя вспомнила вчерашний вечер, вспомнила Мишку, и настроение упало ниже нижнего.

Когда подошел конец рабочего дня и сумерки преобразовались в непроглядную ночную тьму, она сняла трубку и позвонила Соне.

– Сонь, давай в кафе посидим.

– Когда?

– Сейчас.

– Сейчас не могу. Через час, хорошо? Придет Лешка, попрошу его с Ильей посидеть. Он тебя любит, он поймет. А в каком?

– Да, где всегда сидели.

Настя задержалась на полчаса и ушла с работы последней. В лифте было пусто и прижиматься к ней было просто некому.

Жизнерадостная Соня пришла через пять минут, чмокнула Настю в миллиметре от щеки и плюхнулась на стул напротив.

– Как дела?

– Я в деймосе.

– В чем?

– В деймосе.

– Это что? Не пугай меня, беременная, что ли?

– Нет. Деймос – это ужас по-гречески.

– Господи! А что случилось?

– Я опять с Мишкой встречалась.

– И что?

– Да ты что, не понимаешь? Я же с ним рассталась!

– И что?

– Я же точку поставила!

– Ну, поставила, переставила, чего страшного-то?

– Соня, я с ним совсем рассталась. Не так легко было, между прочим. А теперь сама позвонила.

– Ну, если сама позвонила, в чем ужас то?

Настя чуть ли не с отчаянием сказала:

– В том, что мне мужика захотелось, и я не смогла удержаться! Это что же, я теперь каждый раз буду ему звонить? Как на скорую помощь?

– Ну-у, если ты один раз ему позвонила... ты когда с ним встречалась последний раз?

– В мае.

– Ну вот, видишь, а сейчас декабрь. Ничего страшного.

– Ага, если я буду с ним трахаться раз в полгода, то это нормально. А если раз в три месяца, то это уже кошмар, да?

– Ну, не знаю я. А как ты хочешь?

– Я никак не хочу, никак, понимаешь ты!

Обе подруги замолчали и стали слышны звуки кафе – тихие разговоры, звяканье ложечки в чашке, шум с улицы. Наконец Соня сказала:

– Значит, тебе нужен другой мужик.

– Нужен, Сонечка, наверное, нужен.

– Так и в чем проблема, ты же сама жалуешься, что на тебя смотрят?

– Я их ненавижу.

– Ой, так ты их хочешь или ненавидишь?

– Хочу и ненавижу. Я своего хочу, понимаешь, своего, не чужого!

Они опять помолчали. Соня с сочувствием посмотрела на Настю.

– Знаешь, когда мы в школе учились, я думала, ты первая замуж выйдешь.

– Почему?

– Ты интересная. Одни глаза чего стоят.

– Ты мне уже говорила.

– Ну, ты же и сейчас интересная!

– И сколько лет я еще буду интересной? Два, три?

– Если ты будешь так думать, то ничего хорошего не будет.

– А как мне думать? Как? Соня, что во мне не так?

– Все так. Ну... может быть, тебя боятся.

– Чего меня бояться?

– Ну, что ты отошьешь.

– А я отшиваю?

– Ой, еще как! Знаешь, как я тебе завидовала. Всегда хотела научиться отшивать как ты.

Настя вздохнула.

– Вот я и отшила.

– Господи! Ну не отшивай!

– Так что, может мне лечь и ноги раздвинуть!?

– Настя! Ну, я-то в чем виновата? Ну, что я могу тебе сказать!?! Ложись и сдвинь? Будь просто помягче с мужским полом. Как-то жалеть его надо, что ли.

Настя опять вздохнула:

– Соня. Весь мужской пол хочет одного. Быть помягче с ним можно только одним способом.

– А что, тем, которых не хотят, лучше?

Тут Настя задумалась.

– Наверное не лучше.

Посидели они так еще полчаса. Поговорили про Сонину жизнь, про ее сына Илюшку, и разошлись.

И опять к Насте в автобусе прижимались. Настя терпела, терпела, хотела быть помягче, но больше чем на три минуты ее не хватило. Она повернула голову и шепотом сказала:

- Молодой человек, видите, вон, впереди, бабушка.
- Вижу, – ответил ошарашенный молодой человек.
- Так вот, она точно хочет, чтобы вы к ней прижимались. А я – нет.

Вечером Настя собралась ложиться спать, но вместо этого выключила свет и села в кресло возле окна. А за окном пейзаж не Бог весть какой. Девятый этаж, видна далекая улица и окна, окна, окна, а над окнами оранжево-фиолетовое городское небо. Настя сидела долго. И, кажется, мыслей не было вовсе. Просто сидела и все. Потом она встала, включила свет и увидела лежащий на столе альбом Кандинского. Настя взяла альбом в руки, залезла в постель, и начала рассматривать иллюстрации. Цветные пятна, линии, абстракционизм какой-то. Зачем все это нужно?

Она перевернула очередную страницу и увидела заголовок: «Точка, пятно и линия на плоскости». Ну и что это значит? Она попыталась читать, но, заснула.

И ей приснился самый страшный сон в ее жизни. В полной темноте она вдруг увидела белую тонкую линию. Линия медленно выползла откуда-то справа и так же медленно пересекла все зрительное поле, пока ее конец не скрылся с левой стороны. Потом с линией стало что-то происходить, и Настя проснулась от ужаса.

Она бросила книгу на пол и выключила свет.

На следующий день Настя попыталась работать, но потом не выдержала и пошла к Дашке, которая работала в конторе в должности дизайнера. Или художника, кто ее разберет?

В комнате у Дашки был настоящий дизайнерский беспорядок. На трех столах валялась куча бумаг и папок, а также стояли два компьютера, принтеры, сканеры и прочая дребедень. Стены тоже не были пустыми. Многочисленные картиночки довершала репродукция знаменитого «Черного квадрата» в натуральную величину. Начальство пробовало бороться с Дашкой за порядок, но войну безнадежно проиграло и махнуло на нее рукой.

- Дарья! – заявила Настя с порога. – Мне из-за твоего Кандинского кошмар приснился.
- Из-за Кандинского? – удивилась Дашка.
- Да!
- И что тебе приснилось?
- Мне приснилась белая линия!
- А какая? Прямая или извилистая?
- Прямая.
- Вертикальная или горизонтальная?
- Горизонтальная.
- Ух ты! Какой концептуальный сон! А мне такие сны не снятся! Ну почему так, а? А что в нем страшного-то?
- Было страшно.
- Ой, завидую я тебе. Нужно будет внимательно посмотреть Кандинского или Малевича. Или Мондриана. Может и мне концептуальный сон приснится.
- Подруга! – сказала Настя, глядя на черный квадрат. – Раз уж ты вспомнила про Малевича. Скажи, с какой стати это произведение стоит больших денег? Что, никто больше не может черный квадрат нарисовать?
- Дашка картинно подняла глаза к небу.
- Господи! Сто лет прошло, а народ все никак не может понять, что «Черный квадрат» это не картина! Вот скажи – письмо Наполеона или Екатерины II дорого стоит?

– Да.

– А почему?

– Ну, это исторический документ.

– И это исторический документ, понимаешь!? Малевич своим черным квадратом хотел поставить последнюю точку на всем изобразительном искусстве. Закрывать его, понимаешь? И для этого нарисовал самую неизобразительную фигуру, которую нашел. Квадрат. Черный. Ноль изображения, ноль ассоциаций. Это не картина, а манифест. Другие манифесты словами пишут, а Малевич черным квадратом.

– А зачем?

– Чтобы заново заняться композицией на основе простых геометрических форм.

– А зачем?

– Чтобы сбросить груз исторических стилей, без которых жить не могли архитекторы! Он, можно сказать, взорвал старую архитектуру и стал одним из отцов современной архитектуры и дизайна. Вот, посмотри, какие вещи, благодаря таким как Малевич, архитектор Яков Черников рисовал уже в двадцатые годы.

Настя взяла у Дашки очередной альбом и полистала его.

– Когда он это рисовал?

– Сто лет назад!

– Ничего себе. То есть, получается, это из-за Малевича все такое угловатое?

– И из-за него тоже.

– То есть, если я нарисую черный квадрат, то он не будет стоять ничего?

– Абсолютно ничего.

– А если красками?

– Да хоть дерьмом!

– А оно же не черное.

– Ай! Вот почитай Кандинского, может быть поймешь... Нужно будет тебе еще Малевича подарить.

– Ой, не надо! – сказала Настя и пошла к себе.

Снова день. Все собрались в комнате переговоров и пытаются устроить что-то вроде мозгового штурма. Но, начальника нет, и никому не хочется проявлять рвение. Так, разговоры пустопорожние. Максим сидит подальше от Насти и старается на нее не смотреть. Дуется.

В это время открылась дверь, и на горизонте появился хорошо забытый персонаж. Костя – знакомый коммивояжер, продавец бижутерии, пользуясь старыми связями, снова проник в контору, чтобы толкнуть свой товар.

– Добрый день всем присутствующим! У меня для вас хорошие новости! Добрый день Анастасия Андреевна! Добрый день Александр Викторович, Людмила Сергеевна! Приветствую всех, с кем не имею чести быть знакомым!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.